Космические «звезды» на Земле не гаснут

По давней традиции в каждый свой приезд в Казахстан Талгат Мусабаев выходит на связь с нашей газетой. Поддерживается она с тех времен, когда во время работы на станции «Мир» он передавал в «Казправду» прямые репортажи с орбиты. Нынешний же его визит, как всегда, был связан с важным делом: еще в 2003 году в Кокчетавском университете имени Абая Мырзахметова учредили именные стипендии Т. Мусабаева, которые присуждаются лучшим студентам технических специальностей. Теперь каждый год космонавт приезжает на церемонию их вручения. «Это талантливые ребята. Они не только успевают в учебе, но и очень активны и многосторонне развиты, — говорит Талгат о номинантах. — И я рад тому, что в республике растет такое интересное поколение».

Наш орбитальный спецкор
Фото Геннадия КОНОНОВА

Приезд Героя Казахстана и России совпал и с очень важной для него, впрочем, так же как и для российской космонавтики, датой — десятилетием завершения 16-й орбитальной экспедиции и успешной посадкой «Союза ТМ-19». Этот 126-дневный полет, завершившийся 4 ноября 1994 года близ Аркалыка, был полон драматизма. Кажется, события описаны достаточно детально, но со временем открываются новые подробности. И сейчас многие понимают, что еще в 1994 году, в тот драматический для российской космонавтики год, станция «Мир» могла сойти с орбиты, а судьба экипажа, который возглавлял Юрий Маленченко, в прямом смысле висела на волоске. И еще неизвестно, как бы развивалась отрасль в планетарном масштабе, если бы космонавты в той ситуации покинули станцию, как предписывали инструкции и требования безопасности.

— Да, это был длительный и экстремальный полет, — вспоминает Талгат Мусабаев. — Тогда произошла не только потеря связи, но и электроснабжения силового комплекса. Из строя вышли все системы, за исключением двигателей, которые работают на топливе. Сегодня я могу честно сказать, что была очень страшная ситуация. И если бы мы с ней не справились, то через некоторое время станция перестала бы существовать. Она просто сошла бы с орбиты и без специальной ориентации попросту упала. До нашего полета уже случались временные потери электроэнергии (это так называемое U-min, или минимальное напряжение в сети). Но в нашем случае возникла угроза срыва всей программы полета, поскольку возникла угроза обесточивания системы управления движением.

— **Наверняка проводилось служебное расследование. Причины и виновные установлены?**

— Безусловно. Во-первых, признаны неграмотными действия Центра управления полетами. Точнее, не ЦУПа, а одного специалиста, который привел наш полет к такому состоянию. Это произошло после стыковки с «Миром» экипажа «Союза ТМ-20», в составе Александра Викторенко, Елены Кондаковой и немца Ульфа Мербольда. Понимаете, после стыковки корабль теряет львиную долю своей энергии. Естественно, энергоемкость его после этого должна быть полностью возобновлена. И чем быстрее, тем лучше, поскольку, в любом случае, корабль — это средство спасения экипажа. В то же время нужно было учитывать состояние и самого комплекса, электрические модули которого были в полуразряженном состоянии. Но когда мы отдыхали, специалист ЦУПа по системе командно-релейной линии выдал команду о заполнении энергоблоков корабля от энергосистемы станции. Это было сделано без оценки состояния последней. А в той ситуации восполнять энергопотери корабля нужно было постепенно, не допуская снижения потенциала батарей комплекса «Мир» до U-min.

— Упомянутого специалиста как-то наказали?

— Если честно, не знаю. Я никогда «крови» не жаждал. И тогда нам было не до этого. А потом, когда все уже было налажено, мы об этом забыли. Зато хорошо помню, что произошло это за месяц до посадки, в тот самый обвальный, исходя из экономических понятий, «черный вторник» 1994 года. Правда, в отличие от финансистов, для нас он оказался «черным» в буквальном смысле: не работало освещение. Единственным источником света были батареи от видеокамеры. Все системы стояли, тишина мертвая. Это было очень страшно и опасно для жизни. Не работали системы кислорода и очистки воздуха. Между тем, на борту нас шесть человек — это самый большой состав, который так долго летал на станции «Мир» — месяц. А тут еще и полное отключение систем. Показатели вредных примесей в воздухе выросли в десятки раз, заметно упало давление кислорода. Мы не задумываемся о том, как дышим на Земле. Нас не беспокоит, куда уходит то, что мы выдыхаем. На станции для этого установлены вентиляторы. Но поскольку система очистки воздуха вышла из строя, то вокруг космонавтов образовывался «шар» из вредных выдыхаемых веществ. К тому же мы не могли связаться с Землей.

На каждый виток в космосе у нас должна быть так называемая форма 14. Это баллистические данные, требующиеся для правильной отстыковки от станции в экстренном случае. И те, в соответствии с которыми мы можем спуститься на Землю. В нужный район или хотя бы на сушу. А у нас этих данных не было. Вот чем грозило отсутствие связи. Для космонавта она не просто разговоры с Землей, это возможность получить информацию, от которой зависит жизнь. Тогда-то мы и включили любительскую экспериментальную радиостанцию **Олега Кияна**, о которой рассказывалось в одном из номеров «Казправды», и по ней ЦУП нам передал «форму 14». Так что мы могли быть более или менее спокойны, поскольку на случай аварийного спуска имели необходимые параметры.

— Это и позволило вам остаться на «Мире»?

— Если бы мы покинули станцию, а исходя из морального состояния и грозящей опасности, нам уже впору было это делать, то она еще какое-то время летала бы как кусок железа, и в конце концов упала. На тот момент состояние российской космонавтики было таково, что не существовало запасного корабля с экипажем, который мог бы сменить нас и «оживить» «Мир». Поэтому мы попытались сами исправить ситуацию. Поломки устраняли примерно 5—6 суток. Спали тогда по 3 часа в сутки. Это была гигантская работа. Мало того, что она была сложной в физическом плане — приходилось ворочать тяжелые блоки, но еще и в психологическом. За это время произошло снижение станции с заданной орбиты. Хотя это не так важно, поскольку процесс происходил не столь быстро. У нас был еще запас времени. Но считаю, наша заслуга в том, что мы не бросили «Мир», хотя могли задохнуться, и пять с лишним суток без еды, света и практически без кислорода, «на нервах» привели системы в функциональное состояние.

— В том полете экипаж успел выполнить и несколько научных программ, в том числе и казахстанскую…

— Все запланированные программы: российскую, казахстанскую, европейскую, немецкую, американскую. А ведь только в отечественной программе было пять блоков. Металл плавили для Казахстана, и я был первым космическим металлургом. Мы тогда впервые выращивали и клетки для борьбы со СПИДом. Это было еще десять лет назад!

— Талгат, зная вашу активность, многие интересуются, чем вы занимаетесь теперь в звании генерал-майора российской армии?

— Пока нахожусь в распоряжении главнокомандующего ВВС России. Думаю, до конца года определится конкретный круг моих обязанностей. Хотя из отряда космонавтов я уже вышел, надеюсь, что в общественном сознании им, наверное, так и останусь.

— Недавно казахстанских космонавтов — настоящих и будущих — принимал Президент Нурсултан Назарбаев. Приходилось ли вам встречаться с Владимиром Путиным?

— Неоднократно. И в тот период, когда он был главой правительства. И когда был кандидатом в президенты. Он прилетал к нам, в Центр подготовки космонавтов, и уже став Президентом России, незадолго до старта с первым космическим туристом Дэнисом Тито. Многие помнят, какой международный резонанс имел тот полет. Владимир Владимирович встречался лично со мной, как с командиром, и с моим экипажем. Это ведь было впервые в истории человечества. И я уверен, что именно с этого полета началась эпоха космического туризма.

— Ну а ваш подопечный — первый космический турист — больше в космос не собирается? Помнится, недавно он заезжал к вам в гости?

— Да, но в космос лететь еще раз он не намерен. А знаете, какую я благодаря ему неофициальную «должность приобрел»? Space baby-sitter number one — космическая нянька № 1! Потому что в том полете, когда Дэнису становилось плохо, мне пришлось делать ему уколы. Зашивать голову, когда он ее рассек на станции. Так что я стал и первым космическим хирургом.

— Сейчас на станции работает космонавт Салижан Шарипов. Имя у него уж очень на «наше» похоже...

— Я Салижана хорошо знаю. Он пришел в отряд космонавтов вместе со мной. Отец у него узбек, мама — таджичка, а родился он в Киргизии. Так что почти земляк. Он намного младше меня. Но мы оба — из последнего советского набора девяностого года.

— Вы очень много сделали для того, чтобы, как сказали в одном из интервью «Казправде», отряд казахов-космонавтов на Талгате Мусабаеве не закончился.

— Я поднимал этот вопрос еще в 1997 году. Обращался ко всем, вплоть до Президента страны. И только после того, как Глава государства дал поручение, этим вопросом начали всерьез заниматься. Нурсултан Абишевич очень последовательно и настойчиво выводит наш народ на такую высокую орбиту. Космонавтика — это колоссальный престиж страны. А нам, как говорится, сам Бог велел ею заниматься. Нельзя просто стоять на месте, считая, что есть Байконур — и хватит. Космодром в конце концов может развалиться, если его не поддерживать. Нужно вкладывать средства в новые проекты. Я внимательно слежу за всеми казахстанскими космическими инициативами. Меня радует, что республика не сдает своих позиций. И пока не готовы наши пилотируемые полеты, мы правильно делаем, что развиваем такие российско-казахстанские проекты, как «Байтерек». Уверен, что он на то и направлен, чтобы не просто называться казахским словом, а приносить конкретные дивиденды. Верю, что этот проект в будущем принесет большие прибыли от совместных запусков различных спутников для других стран. И очень хорошо, что в этих вопросах Казахстан находится в постоянном контакте с россиянами. Думаю, «Байтерек» будет служить и поддержке самого Байконура — это, в общем-то, вечный космодром, потому что Россия, и к нашему счастью и, может быть, к сожалению, не сможет без него обойтись. Что касается наших кандидатов в космонавты, то раньше я с ними довольно часто встречался. В последнее время — реже. Но они прекрасно освоились в центре, и их подготовка идет успешно.

— Сейчас уже почти нет оракулов, предрекающих «кончину» космодрома Байконур.

— Думаю, все поняли, что если бы не этот комплекс, МКС давно бы закончила свое существование. И, кроме того, если мы говорим о пилотируемой космонавтике, без которой теперь человечеству не обойтись, то никакие «си лончи» и никакие «плесецки» не помогут.

Старты будут осуществляться с Байконура. Ну и если американцы восстановят свои корабли, то и с мыса Канаверал. Но это очень сложно, потому что у них погибло 40 процентов флота — два шаттла из пяти.

— А малютки-самоделки, которые энтузиасты сейчас выводят на орбиту?

— На мой взгляд, это чистый самообман. Ни за какую околоземную орбиту эти кораблики не выходили. Они только поднялись за пределы атмосферы. И называется это суборбитальным полетом. Их аппараты выскакивают, как пробка от шампанского, и падают назад.

— Как вы оцениваете китайскую космонавтику?

— Это огромная страна, перспективная, которая под руководством Компартии осуществляет плавный переход от планового хозяйства к рыночной экономике. Поэтому они и развиваются, догоняют, скоро и перегонят многих, даже Штаты. Они набирают мощную силу. У них много взято от советской, российской космонавтики. Что же касается первого китайского космонавта, то мне с ним встречаться не приходилось. Но могу с гордостью сказать, что довелось принимать участие в подготовке китайских инструкторов, которые его обучали. Я занимался с ними почти год. По некоторым сведениям, именно они должны были лететь, но не полетели, потому что их учили русские. Зато потом они сами подготовили своего космонавта.

— С космических высот — на Землю, в Алматы тянет?

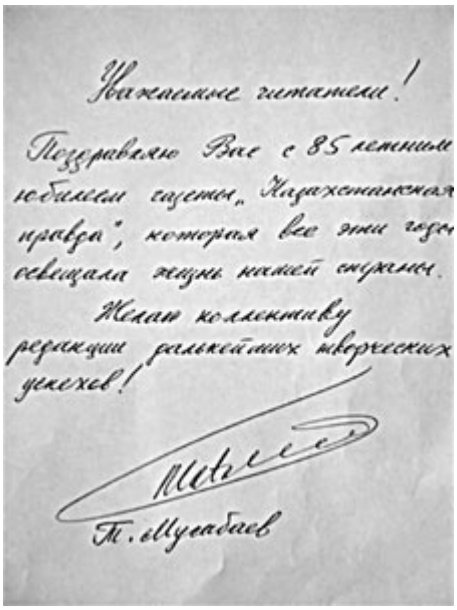
— От Родины никуда не денешься. А Алматы я люблю, хоть он уже и не столица. Вижу, как преобразился город. Есть современные, красивые здания, хотя дороги...

— А какие собственные достижения радуют?

— Три полета — три внука: Талгат, Дамир, Тимур. Жизнь продолжается!

Алевтина ДОНСКИХ
г. Алматы

2004 г.


Уважаемые читатели!

Поздравляю Вас с 85-летним юбилеем газеты „Ленинская правда", которая все эти годы освещала жизнь нашей области.

Желаю коллективу редакции дальнейших творческих успехов!

Т. Мусабаев